

Работа со сновидением. Интерпретации из химеры

Т.Л. Станкевич

Станкевич Татьяна Леонидовна – клинический психолог, психоаналитик, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA) от Парижского психоаналитического общества (SPP), старший преподаватель магистерской программы по психоаналитической психотерапии Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ).

С того времени как во фрейдовском «Толковании сновидений» были описаны механизмы, характерные для первичного процесса, где работа сновидения была означена как функционирование пары первичный-вторичный процесс, в понимании работы сновидения и работы со сновидением произошли существенные изменения. Благодаря ученикам и последователям Фрейда работа сновидения превратилась со временем в модель работы в психоаналитическом сеансе с невротическим пациентом – модель, в которой устанавливается родство сеанса и сновидения. В случаях психоанализа неневротических структур через изучение различных форм отказа она стала индикатором дисфункций психического функционирования. Одним из инструментов в понимании материала таких пациентов является концепция «психической химеры» Мишеля де М'Юзана. В данной статье представлены некоторые примеры интерпретаций сновидений пациентов из «психической химеры». Ключевые слова: работа сновидения, психоаналитический сеанс, перенос, контрперенос, психический аппарат, регрессия, психическая химера, психоаналитический процесс, интервенция, интерпретация.

После Фрейда помимо кошмаров и травматических сновидений были исследованы различные формы срыва работы сновидения: феномены отсутствия сновидений; сны, которые являются лишь простым воспроизведением восприятия; ночная продукция, не похожая на сновидения. Так, Мишель Фэн и Кристиан Давид в работе «Функциональные аспекты жизни во сне» (1963) подчеркивают близость между структурой психического конфликта и богатством проработки сновидения со стороны качества объектного отношения. Рене Дяткин в работе «Сны, иллюзии и сознание» (1974), возвращаясь к работе Фрейда об отрицании и трудам Винникотта,

полагает, что общность психической активности в переходном пространстве и работы сновидения заключается в стирании оппозиции Я – не Я.

Таким образом, помимо работы сновидения *per se*, как это было определено Фрейдом в 1900 году, эта работа, определяемая ранее как служение удовольствию и попытка воспроизвести и связать памятные следы опыта переживания неудовольствия, стала также индикатором и образцом качества психического функционирования.

Как аналитик сегодня подходит к работе со сновидением в сеансе? Как толковать сны при, например, психоаналитическом лечении пограничных состояний? Фрейд, как известно, в анализе Доры посвятил себя интерпретации ее сновидений, но пренебрег проявлениями трансфера. И это привело к неудаче лечения.

Как сегодняшние психоаналитики пытаются вписать в интерпретации сновидений разные формы переноса, к примеру эротизированные или хаотические?

Теперь значительное место уделяется контрпереносу, исследованиям работы сновидения и фантазматической деятельности самого аналитика. Работы Сезара и Сары Ботелла (*Botella C., Botella S., 1984*) о галлюцинировании, изобразимости и сновидениях привели к определению условий работы двойника в аналитическом сеансе, где пациенту предоставляется возможность включить аналитика в свои состояния для того, чтобы разделить их с аналитиком, быть отраженным и обрести эти состояния вновь вместе с их недостающими аспектами.

Условия психоаналитической встречи предполагают некое сходство между сновидением и сеансом. Экономически-динамическое измерение сеанса создает ситуацию, где Я лишено в значительной мере своей обычной дневной активности (восприятие снижено, действия ограничены), и посему в результате регрессии Я обречено до определенной степени функционировать по принципам ночного Я, притом что путь к галлюцинаторной сновидческой активности тоже прегражден. Это приводит к фрустрации, вызванной перегрузкой влечениями, и дискомфорту, который Сезар и Сара Ботелла называют «состоянием сеанса»: «когда пути дезинвестиции, свойственные сеансу (свободная ассоциация, слово и образность), оказываются недостаточными, эта экономическая совокупность, которую мы назовем "состоянием сеанса", чтобы лучше описать ее промежуточный, пожалуй, даже абсурдный, чудовищный, полудневной-полуночной характер, вступает в силу, тогда функционирование пациента оказывается близким к экономическому положению, подобному ситуации актуального невроза». Такое сближение двух типов психического функционирования, дневного и ночного, где Я находится в трудном положении, часто порождает состояние тревожащей странности. Пациенты, начинающие анализ, нередко жалуются на то, что не понимают, что здесь происходит.

Вот что говорит одна из моих пациенток, начиная свой анализ: «Я не понимаю, как я, такая четкая, такая организованная, умная и дисциплинированная, совершенно не понимаю, что тут творится! Я не могу нормально ни сформулировать свою мысль, ни распознать ни одной эмоции.

Какие-то куски всего. Все вышло из-под контроля! Я надеюсь, что хотя бы вы контролируете то, что здесь происходит. Иначе – все пропало!»

Функционируя в рамках тождества мышления аналитика и анализируемого, мы также можем наблюдать в сеансе другой способ функционирования психического аппарата – формальную регрессию Я в том виде, как ее описывает Фрейд. Эта регрессия позволяет пациенту инвестировать систему восприятия вплоть до чувственной живости, следуя в обратном направлении, когда мысли и репрезентации возвращаются в чувственный образ, из которого они однажды вышли. В «состоянии сеанса» эта формальная регрессия требует немедленной разрядки – она провоцирует функционирование, близкое к работе ночного Я, с доминирующим тождеством восприятия, целью которого является галлюцинаторная реализация, приближающаяся, если это возможно, к состоянию сновидения, где репрезентации достигают качества перцепции. Таким образом, благодаря своему необычному стремлению к изобразимости, своей близостью к галлюцинации формальная регрессия во время сеанса способствует развитию тревожащей странности.

В сеансе эта тревожащая странность может устраняться за счет инвестиции объекта-аналитика в форме нарциссической любви – любви к своему двойнику. Эта возникающая сразу или почти сразу инвестиция аналитика в качестве двойника, будучи нарциссической, представляет поворот к материальной реальности (аналитик-объект) и, вопреки своему происхождению из тождества восприятия, представляет собой способ устранения галлюцинаторного решения и поддержания работы тождества мышления. Такая инвестиция аналитика создает для анализируемого обходной путь, позволяющий мыслить, вместо того чтобы галлюцинировать.

Однако существуют ситуации, когда значительные части психического опыта пациента для него недоступны, он переполнен возбуждением и тревогой, не привязанным к значимым объектам, его возбуждение не связано в достаточной мере влечениями и репрезентациями, и пациент не в состоянии отдаться потоку ассоциаций – то есть в аналитическом сеансе мы встречаемся с неневротическим пациентом. В таких условиях переход из тождества восприятия к тождеству мышления бывает затруднен из-за обилия возбуждения и сырых аффектов, зачастую перемежающихся с ощущением пустоты и небытия. И тогда аналитику приходится прибегать к иным инструментам, чтобы расширить свое восприятие материала пациента.

Франсис Паш (*Francis Pasche*, 1971), например, вносит новый смысл во фрейдовскую метафору зеркала, где зеркало – отражающая позиция аналитика – не должно быть холодным и слишком отдаленным. Он вводит понятие «щита Персея», через который аналитик воспринимает архаичные, подчас ужасающие аспекты внутренней реальности пациента и его аффективные проекции, чтобы через отражение его психических репрезентаций, без ощущения собственной нарциссической раны быть в состоянии вернуть ему способность к связыванию и мышлению.

При анализе таких пациентов мы часто можем видеть, как под воздействием механизмов расщепления и проекции они пытаются переложить

на аналитика бремя невыносимых чувств и состояний, провоцируя в насильные аффекты и другие психологические реакции. Отщепляя свои невыносимые переживания, они бессознательно стремятся контролировать свою утраченную часть или восстановить с ней контакт, вкладывая ее в своего аналитика. Таким пациентам не приходит в голову, что, удаляя/стирая из своей психической жизни целые куски психической реальности, они избавляются от мыслей, фантазий и эмоций, чтобы их не чувствовать. Они не осознают, что их постоянная психическая активность по удалению эмоциональных связей с аффективно загруженными событиями, фантазиями или отношениями, приводит к массивной дезинвестиции их фантазийной и эмоциональной жизни в целом. Такая внутрипсихическая борьба против аффективной жизни часто ведет к обеднению или даже полному отсутствию сновидений и мечтаний. В таких условиях психика аналитика является ресурсом для возвращения пациенту его психического содержания в хорошо метаболизированной и репрезентированной форме.

Как и Франсис Паш, Мишель де М'Юзан в свою очередь, говоря об экономико-динамическом взаимодействии с пациентом в аналитическом сеансе, также выходит за пределы дихотомии субъект-объект и в попытке описать то, происходит между ними не с точки зрения противопоставления, но внося новое в динамику переноса-контрпереноса, постулирует новое явление, названное им «психической химерой». Химера являет собой совместное, общее переносно-контрпереносное пространство, возникающее в психоаналитическом процессе между аналитиком и пациентом. Химера – продукт смешения двух бессознательных, феномен, который полностью не принадлежит ни одному, ни другому, создается аналитиком во время сеанса посредством «парадоксального способа функционирования». Мишель де М'Юзан описывает, как два психических аппарата, пациента и аналитика, стремящихся создать нечто целостное, создают химеру, оживленную особыми процессами, происходящими в парадоксальной системе. Парадоксальной ее делает дезинвестиция реальности, необходимая для обретения фантазматической свободы.

Опыт, переживаемый пациентом в аналитическом сеансе, обновляется вновь и вновь в аналитической ситуации, если и пациент, и его аналитик начинают чувствовать колебания своих Я и ощущают нечто, похожее на деперсонализацию. Этот феномен функционирует как совместный аппарат для двух психик с разделением вкладов каждой стороны: анализируемый предоставляет содержание, аналитик – процессы.

По сути, эффективная работа пары «свободные ассоциации пациента – свободно распределенное внимание аналитика» и создает условия для возникновения психической химеры. Во время химеры интерпретационная работа психоаналитика не направлена на получение рационального знания. Это время глубокого аффективного и интуитивного познания психического функционирования пациента изнутри совместной химеры. Аналитик, дающий интерпретации из химеры, воспринимается анализируемым как его другое Я (двойник).

Джойс Макдугалл (*McDougall*, 2002) не говорит о химере, но в ее теории примитивной коммуникации эта химера приобретает новые очертания. Ранние, довербальные травматические нарушения не регистрируются в предсознательном младенца и поэтому недоступны для памяти. Младенцы не способны ни говорить, ни организовывать свои эмоциональные переживания. Чтобы справиться с ними и впоследствии символизировать их, младенец нуждается в матери. Пациенты, не имеющие подобного опыта, стараются заставить аналитика пережить то, что сами они не способны символизировать. Примитивная коммуникация в сеансе служит для эвакуации фрагментов первичного аффективного опыта в фундаментальный перенос, цель которого – стирание любых различий между Я и Другим. Если аналитик принимает это, не боясь погрузиться в это состояние, он получает доступ к самым ранним переживаниям субъекта – к «универсальной фантазии в психических переживаниях младенца, где есть только одно тело и только одна психика на двоих».

Согласно де М'Юзану, создание химеры зависит от того, может ли аналитик выдержать определенную степень деперсонализации. Аналитик любого пола должен уметь переносить «сумасшествие контрпереноса» (как первичное материнское безумие), не теряя полностью своих границ и оставаясь способным к их быстрому восстановлению. Состояния деперсонализации, пережитые будущим аналитиком в качестве пациента в собственном анализе, одновременно с формированием профессионального аналитического свойства – сохранять в этих состояниях определенную активность своего наблюдающего Я – будут в конечном счете определять способность аналитика работать в химере. Часто аналитики, способные работать из химеры, говорят о наплывах или внезапном всплывании материала из их собственной психики, пробуждающих ощущение тревожащей странности, побуждающей определять это как «мое» или «не мое». В языке слово «химерический» используется для обозначения невозможного, несочетаемого, и именно такие аллюзии подчас посещают аналитика, пребывающего в состоянии психической химеры.

Я приведу клинические примеры из двух аналитических случаев, уже законченных.

В первом случае, который длился восемь лет, пациентка, назовем ее Н., женщина 34 лет, обратилась ко мне по поводу своего несчастливого материнства, преисполненного чувством вины перед четырехлетним сыном, и безуспешных попыток исправить ситуацию.

Из ее истории: она росла в полной семье, где вместе с нею и ее родителями жила бабушка – мать отца. Все было неплохо до ее восьми лет, но в тот год, когда ей исполнилось восемь, ее мать исчезла. Ей сказали, что мама уехала и скоро вернется. С тех пор она не видела свою мать, и она не помнит, в каком возрасте она осознала, что мама умерла. При этом она помнит, как они ходили на кладбище с родственниками, она знает, где похоронена мать, и примерно понимает, при каких обстоятельствах ее не стало. Ее мать, успешная молодая и красивая женщина, кандидат наук, заболела раком и умерла, когда пациентке было восемь лет. После этого в

жизни моей пациентки наступил период, когда она в состоянии несчастья и спутанности была одержима жизнью и здоровьем своего отца. После смерти супруги он впал в депрессию, стал употреблять алкоголь и иногда появлялся дома поздно ночью. Она часто ждала его у окна и успокаивалась лишь тогда, когда папа приходил домой. Она встречала и провожала автобусы, стоя допоздна у окна. Спустя пять лет после начала анализа она вспомнила, как однажды, сидя на скамейке вагона метро рядом с папой, она галлюцинировала свою мать и видела, что та сидит на скамейке напротив. Н. была озадачена и шокирована этим восприятием, которое случилось дважды. Она решила поговорить с мамой, подойти к ней и что-то ей сказать, если это произойдет снова. Но после принятого ею решения подобная ситуация больше никогда не повторялась.

Ее отец, грубый, жестокий и громкоголосый, никогда не поддерживал ее, порицал и обесценивал ее достижения, несмотря на то что она хорошо училась, прекрасно справлялась с домом, была отличницей и по окончании школы поступила в хороший вуз. Ее бабушка была прекрасной женщиной, которая заботилась о своей внучке, но всегда молчала. Поэтому «звуковой конверт» пациентки состоял преимущественно либо из громких и резких звуков, либо из тишины.

В 30 лет у нее случился роман с мужчиной гораздо старше нее. Это не закончилось браком, но у Н. родился сын, которого она, несомненно, любила, но не очень понимала, как быть ему хорошей матерью. Ее отношения с сыном были пронизаны ощущением беспомощности, вины и внезапно и часто прорывающейся агрессии. Она постоянно колебалась от некоего нормативного поведения, которое она обычно находила в книгах по воспитанию детей, до состояния беспомощности и непонимания того, что испытывают ее ребенок и она сама. Она уставала от бесплодных попыток повлиять на сына и не знала, как быть ему хорошей матерью и матерью вообще. Она читала много книг по педагогике и психологии. Из них она пыталась почерпнуть некие правила и принципы воспитания детей. После ее внезапных вспышек, наказаний и избиений сына она испытывала сильное чувство вины и беспомощности. Когда я увидела ее в первый раз, это была не очень симпатичная, бледная, как бы стертая женщина практически без возраста. Отец ее ребенка оставил ее после того, как родился сын, сказав ей, что она перестала быть той веселой, жизнерадостной женщиной, которую он когда-то полюбил. Он не отказывался от участия в воспитании сына, много помогал материально, но при этом все время, так же как ее отец, порицал ее за поступки и слова. Иными словами, в тот момент, когда она стала матерью, ее травматизм, связанный с потерей, а точнее, с исчезновением ее матери стал препятствием к тому, чтобы в свою очередь стать матерью и заботиться о своем сыне. Жизнерадостная женщина, которой она была когда-то, исчезла после рождения сына, и в ее жизни появилось много пустоты, обездоленности и несчастья.

В начале работы в кадре лицом к лицу пациентка не видела снов, очень мало говорила, много плакала и часто смотрела на меня беспомощным

взглядом. Через два года, уже на кушетке, она начала видеть сны, и процесс анализа стал более глубоким.

Виньетка, которую я хочу описать, случилась в конце второго года анализа. Пациентка принесла сон.

В нем она находится в кабинете своей начальницы, которую она боится и порицает за ее демонстративную жесткость и привычку издеваться над подчиненными. Начальница выражает свое недовольство, кричит на нее и говорит, что она плохой специалист – она плохо выполняет свою работу, абсолютно беспомощна, несостоятельна и пытается возложить на нее работу, которую она не должна выполнять. Пациентка сидит за длинным столом в абсолютном ступоре. Стол очень длинный – настолько, что образ начальницы начинает расплываться, и единственное, что она может видеть, – это награды и дипломы в рамках на стене кабинета. Она разглядывает эти рамки и почти не понимает, что написано на этих бумагах. Сон сопровождается ощущением растерянности, беспомощности и дереализации.

В ассоциациях к этому сну она пространно рассуждает о начальнице, ее несносном характере, демонстративности и порой неприкрытом хамстве. Немного помолчав, она говорит о том, что при всем этом эта женщина бывает не так уж и плоха. Однажды она помогла в лечении сына – устроила его в хорошую клинику и договорилась о снижении цены за лечение. Также она говорит о том, что порой эта женщина проявляет к ней симпатию и внимание, но при этом она все время выходит за рамки, как в своем порицании коллег, так и в заботе о них. Даже в одежде она чрезмерно яркая и в поведении – несносная. Она все время нарушает рамки и границы. В речи пациентки многократно звучит слово «рамки».

Пока пациентка говорит, мне вспоминается один из выходных дней, который мы провели с дочерью, когда той было лет восемь-девять. Мы гуляли в парке развлечений и увидели фотографа, который снимал семьи при помощи трафарета из фанеры, на котором была изображена семья из четырех человек – папа, мама и двое детей. Чтобы сделать фото, нужно было лишь подойти и вставить в отверстие свои лица. Мы были втроем – я, мой супруг и дочь. Поэтому место для четвертого лица оказалось пустым. Когда я это осознала, я стала думать о том, что это могло означать для пациентки, и стала искать форму, в которой я могла бы вернуть ей то, что пришло из химеры. Я сказала ей, что лицо ее начальницы расплывается перед ней в этом сне, но в рамках бывают не только дипломы, но и фотографии. Пациентка надолго замолчала, а потом совершенно иным голосом сказала, что после того как мама умерла, в их доме по сей день нет ни одной ее фотографии. И что она практически не помнит лицо матери. Этот сон и работа с ним запустила еще один виток горевания.

Еще один подобный случай произошел жарким ярким июльским днем, примерно через год после вышеописанного случая. Пациентка принесла сон: осенний парк, хмурая темная осень, серая дорожка. Она идет по ней, и цвета вроде бы яркого в реальности сквера, в котором она часто гуляет, как будто стерты – все серо, уныло, неприглядно. Ей очень одиноко, и она бредет в этой серости, не понимая, куда идет.

Пока она говорила о том, что это очень странно, почему этот сон ей приснился в такую хорошую погоду, которая сейчас стоит, мне пришла в голову следующая картина: утро этого дня, я стою в офисе банка, куда я пришла по личным обстоятельствам. Вдруг мой взгляд падает на табло с датой – черное табло с яркими зелеными неоновыми цифрами, отражающими день, месяц и год. В этот момент мне в голову пришла странная мысль. Я подумала: «Вполне обычный день, а ведь у кого-то сегодня день рождения». При этом меня посетило странное чувство – зачем я об этом думаю? Я сказала ей: «Порой такое настроение бывает в день рождения, когда не хочется его отмечать». Пациентка сказала: «Так и есть. Сегодня день моего рождения». Это сновидение и моя реплика из химеры позволили появиться воспоминаниям о первых восьми годах ее жизни, когда мама была жива. Каждый ее день рождения был настоящим праздником. Но при этом она вспомнила, что последний день рождения – восьмой – ее очень расстроил. Вместо того чтобы наслаждаться праздником и играть с детьми, которых она пригласила, мама заставляла ее решать шарады и читать стихи. Читала она не очень хорошо, и мама была недовольна. У всех испортилось настроение. Таким образом, через этот сон и мою интервенцию идеализированный образ матери начал становиться более реальным, пациентка стала восстанавливать в памяти последние месяцы и дни, когда она была рядом с матерью. Она вспомнила, что мама прощалась с ней, сказав, что уедет на какое-то время, но обязательно вернется. В последние несколько месяцев мама лежала, отвернувшись к стене, не говорила с дочерью и не подпускала ее к себе, не объясняла, что происходит. Вместе с этими воспоминаниями она стала думать о том, какой парой были ее родители? Идеализированные образы отца и матери стали становиться более реальными, наделенными амбивалентными чертами, пациентка начала пересматривать и подвергать ревизии черты первичных объектов.

Второй случай принадлежит анализу 32-летней пациентки К., которая обратилась ко мне по поводу спутанности своих объектных отношений, неспособности распознавать свои чувства и чувства других людей, крайней мнительности и невозможности чувствовать себя счастливой в отношениях с мужем. Это прекрасная во всех отношениях молодая женщина все время сомневалась в себе, подвергала пристальному изучению реакции других людей и все время страдала от того, что приписывает людям несуществующие мотивации или отношения. Она никогда не могла сказать с уверенностью, что кто-то к ней хорошо относится, что она кому-то нравится, что даже любимый муж, который никоим образом не выражает никогда плохого отношения к ней, ее любит. Возможно, это происходило от того, что она выросла с бабушкой, которая никогда открыто не говорила ей, что любит. Она делала очень много для пациентки и на деле проявляла много заботы. Но одновременно с этим она все время порицала пациентку, критиковала и выказывала очень много страхов по поводу ее судьбы и характера.

Однажды она принесла сон, в котором они с мужем гуляют в саду и весь сад зарос красными цветами. Она не знает их названия, но цветы

такие длинные, тонкие, и по всему стеблю расположены крупные красно-розовые яркие соцветия. Я понимаю, что речь идет о рододендронах, и пока пациентка описывает их прогулку в этом сне, ко мне наплывом приходит образ книжной полки в моей гостиной, и на ней – книга Дафны дю Морье «Ребекка». В этой книге замок, в котором жили главные герои, был окружен рододендронами.

Поскольку пациентка довольно чувствительна и хорошо реагирует на короткие интервенции, я говорю только одно слово: «Ребекка». Пациентка немного смущенно и нерешительно отвечает, что она давным-давно собиралась прочитать этот роман, но ей все время что-то мешало. По прошествии некоторого времени в анализе она говорит, что прочла его и что этот роман перевернул много в ее понимании того, что она не могла ни воспринять, ни назвать словами. В этом романе так много совпадало с ее судьбой, с характерами главной героини и ее мужа, вплоть до дат рождения и некоторых имен, что она была поражена. Но, что самое главное, там были очень хорошо отражены ошибки восприятия главной героини и ее неспособность отличить проявления любви от проявлений ненависти. Мнительность пациентки и ее недоверие к своему восприятию и чувствам коренились в следах отношений с ее бабушкой, которая даже похвалу выказывала так, что она ощущалась ею как угрожающая.

Французская психоаналитическая традиция «слушать то, что следует за речью», берет свое начало с работ Жака Лакана. То, что следует за речью, – смысл. И порой, следуя за речью пациента, аналитик открывает в себе способность заглянуть «по ту сторону речи», для того чтобы привнести в психическое пациента новые или утраченные значения и смыслы. Как отмечает Франсуа Дюпарк (*F. Duparc*, 1998), способность аналитика воспринимать различные аспекты аффективного опыта пациента определяет глубина регрессии, которой он был способен достигать, будучи пациентом, в ходе своего личного анализа, а также, что немаловажно, умение выходить из химеры без ощущения потери собственной идентичности.

Поэтому, исследуя явление психической химеры и наши возможности работать с ней, не стоит забывать и об опасностях, подстерегающих аналитика на этом пути. Чрезмерное увлечение химерой на двоих может превратиться в конце концов в «безумие вдвоем» – *folie à deux*. В том случае, если аналитик, теряя способность к рефлексии, полностью утрачивает свои собственные границы в работе с пациентом, злоупотребление химерой или тем, что под ней понимается, может не только разрушить аналитическую работу, но и причинить вред самому аналитику. Иными словами, нам следует не забывать известные слова Ницше: «Пока ты смотришь в бездну, бездна смотрит в тебя».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джойс Макдугалл. Театр души. Иллюзия и правда на психоаналитической сцене. Издательство ВЕИП, 2002.
2. Ж. Лапланиш, Ж.-Б. Понталис. Словарь по психоанализу. Москва, Высшая школа, 1996.
3. З. Фрейд. Введение в психоанализ. Лекции. Москва, Фирма СТД, 2003.
4. З. Фрейд. Толкование сновидений, Харвест, 2004.
5. Botella C., Botella S. L'homosexualité infantile et la dynamique du double en séance. Revue Française de Psychanalyse, 1984/3, PUF.
6. F. Duparc, L'art de psychanalyste: autour de l'œuvre de Michel de M'Uzan. Lausanne, Delachaux et Niestlé, 1998.
7. M. Fain, C. David. Aspects fonctionnels de la vie onirique. Paris, Revue Française de Psychanalyse, PUF, 2020/5.
8. Michel de M'Uzan, Jacques André, Maurizio Balsamo, Françoise Coblence. La chimère des inconscients, et Débats avec Michel de M'Uzan. Paris, PUF, coll. Bibliothèque de psychanalyse, 2008.
9. Pacshe F. Le bouclé de Persée ou psychose et réalité, en: "Le sens de la psychanalyse", Paris, PUF, 1988.
10. René Diatkine. Rêve, illusion et connaissance. Paris, PUF, 1974.

Working with dreams. Interpretations from chimaera

T.L. Stankevich

Stankevich Tatiana Leonidovna – clinical psychologist, psychoanalyst, member of the International Psychoanalytical Association (IPA), of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), senior lecturer of the Master's Program in Psychoanalytical Psychotherapy of the Higher School of Economics.

Since Freud described the mechanisms and characteristic of the primary process in his "Interpretations of Dreams", where the work of the dream was identified as the functioning of the pair primary-secondary process, the understanding of the work of a dream and the work with a dream were significantly enriched. Thanks to Freud's followers, the work of dream has evolved over time into a model of working in a psychoanalytical session with a neurotic patient – a model that establishes the similarity between session and dream. In cases of psychoanalysis of non-neurotic structures, through the study of various forms of deny, it became an indicator of dysfunction of mental functioning. One of the tools in understanding the material of such patients is the concept of "psychic chimaera" created by Michel de M'Uzan. This article presents some examples of interpretations of dreams from "psychic chimaera".

Keywords: dream work, psychoanalytical session, transfer, counter-transfer, mental apparatus, regression, psychic chimaera, psychoanalytical process, intervention, interpretation.